

МАУІЯ
Самсонова Ольга

Ольга Самсонова

Майя

«Автор»

2023

Самсонова О.

Майя / О. Самсонова — «Автор», 2023

Майя родилась в закрытом городе, для жителей которого нет страшнее наказания, чем выход за его пределы, ибо там — смерть. В городе нет животных и растений, литературы и кино. Все мечтают получить «грёзу» — путешествие в прекрасную виртуальность, созданную профессионалами. Вот только Майя не согласна: ей хочется жить по-настоящему. Вместо «грёз» она выбирает встретиться с самой собой в виртуальном мире в надежде, что получит шанс изменить свою жизнь.

© Самсонова О., 2023

© Автор, 2023

Ольга Самсонова

Майя

«Представьте, что фантазии не возникают сами по себе. Им определено время и место. Их покупают, словно мыло или муку. В таком мире я живу», – Майя воображала, что пишет письмо. Она часто так делала и от души радовалась, что градоначальники не могут заглянуть в её мысли. Хотя уверенной в этом наверняка не была.

Завернув за угол серого здания, она убедилась, что никого нет поблизости, и опустилась на бетон. Из объёмного кармана передника Майя достала красную листовку. Спина вжалась в шершавую холодную стену, а глаза впилась в текст. Она давно хотела заполучить именно этот буклет – рекламу «Путешествий в грёзы» для горожан высокого уровня доступа.

Даже не читая, Майя уже видела отличия: список «грёз» был значительно длиннее, чем обычно. «К чему тратить ресурсы и отвлекаться на жалкие фантазии друг друга, если можно купить полноценную “грёзу”! Они созданы командой профессионалов и обеспечивают полное...» Майя вздрогнула и обернулась. Над ней возвышалась фигура в красном.

Холод, никакого отношения к бетонной стене не имевший, пробежался от макушки до самых пяток. Она сидела, не решаясь посмотреть, кто стоит рядом. В голове прокручивались варианты наказания: выговор, штраф, лишение свободы. «В конце концов, это всего лишь идиотская листовка. Не применят же изгнание за забор из-за такой ерунды», – подумала Майя, наблюдая, как из её рук выдергивают красную бумагу.

Она машинально проследила за яркой листовкой и увидела, как её подносит к самому лицу мужчина в красной форме. По сердцу разлилась тёплая надежда. Жест был Майе знаком.

– Что мне с тобой делать? – устало спросил Семёныч, поправляя очки.

– Отпустить! – Майя счастливо улыбнулась от облегчения и поднялась с пола, отряхивая свой серый балахон.

– Ты ведь знаешь, что не положено тебе брать эти. Для твоего уровня доступа годятся только с серым прямоугольником. Хотя и они тебе пока не положены, – сварливо добавил он.

– И те и другие гадо... – Майя не договорила, вовремя сообразив, что ругать «грёзы» даже при добром Семёныче опрометчиво.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда дорастёшь и пройдёшь одну из них, – мужчина хмыкнул.

– Ни за что! – на лице Майи мигом отразился гнев. – Если и соглашусь на «путешествие», то только на «фантазию», – она сказала это с вызовом, но тут же пожалела о своей внезапной смелости. Семёныч заметно занервничал. – Я пойду, – поспешно сказала Майя.

– Вот это верно. И не приходи, пока не исполнится 17! Ещё мне из-за тебя штрафов не хватало! – он сунул ей в руку свёрнутый листок. Удивлённая Майя сжала гладкую бумагу в кулаке, ощущая радостное волнение.

Она поспешила убраться подальше от здания, на котором большими буквами было написано «Центр путешествий в грёзы». Отойдя на приличное расстояние, Майя торопливо оглянулась – Семёныч смотрел ей вслед. Его лицо было такого же красного цвета, что и форма. «Хорошо, что камеры в городе чёрно-белые, а то бы точно допросили бедолагу, – улыбаясь, подумала Майя. – Ну что за идиотство так краснеть?» Она принялась размышлять, установлены ли камеры в том углу, где она уселась читать листовку, и не положено ли ей наказание. Убедив себя, что камер не было, иначе бы Семёныч не рискнул с ней даже заговорить, она расслабилась.

День был тёплым и безветренным. Майя с удовольствием набрала в лёгкие побольше воздуха, который благодаря усиленной ионизации всегда пах по-особенному возле важных городских построек. Мысли в голове кружили привычной стаей, наскакивая одна на другую. О свёр-

нутой бумаге, которая теперь пряталась в объёмном кармане передника, Майя старалась не думать – боялась разочароваться: вдруг она раньше времени обрадуется, а это окажется не заветная листовка. «И кто только придумал продавцам грёз красные балахоны? – рассуждала она, проходя мимо бетонных домов к главной площади Вавилон-3. – Вот медицинский жёлтый – чудо, а не цвет: меняется от освещения и всегда радуется. А красный этот – жуткий... Идиотский красный».

«Идиотство» – одно из двух ругательных слов, что Майя знала. Вторым было «паршивый», но настолько плохой ситуации, где понадобилось бы его применить, ещё не случилось. Это слово Майя приберегла на крайний случай. Вслух, конечно, такого не произносила – так и выговор получить недолго.

Нет, она не жаловалась – родиться в закрытом Вавилоне-3 действительно было удачей. Майя знала, что мир находился на грани гибели, а здесь от смертоносных вирусов их защищает 25-метровый оградительный забор. В образовательном учреждении рассказывали, что только благодаря ему в город не могли проникнуть звери, птицы и насекомые – основные источники заразы. А фильтровые установки внутри города поддерживали чистоту воздуха, убирая при-меси ядовитой пыльцы и опасных аллергенов.

На уроках истории рассказывали, что на десятом году существования города во внешнем мире начались военные действия, и к естественному распространению заразы добавилось биологическое оружие. Существовали ли другие «Вавилоны» и что стало с первыми двумя, Майя не знала. Что творилось вне забора – информации не было. Для поддержания порядка и безопасности в городе действовали строгие правила: специальный отряд полиции имел круглосуточный доступ в жилища вавилонцев и регулярно проверял воздух на наличие опасных бактерий и вирусов.

Вероятно, благодаря этому вспышек болезней давно не случилось. Но хоть осмотры помещений исправно работали на благо горожан, Майя люто ненавидела их и отсутствие дверей в квартире. Она горько посмеивалась, что для такого закрытого города, как Вавилон-3, у горожан слишком уж открытая жизнь. Полицейские, совершавшие осмотры помещений, не упускали возможностей наложить штраф или назначить выговор то за неподобающие разговоры, то за обсуждение «грёз», то за осуждение градоначальников – поводы находились легко. Чёрный цвет полицейской формы вселял ужас. Вавилонцы привыкли помалкивать, чтобы не нарываться на неприятности. «Хорошо, что мой Тарас не такой», – подумала Майя и улыбнулась, шёпотом повторяя: «Мой Тарас».

Тем временем уже показался небольшой холм, застеленный ярко-зелёным искусственным газоном. Вдалеке нарядно белел высокий забор, отгораживающий закрытую для её уровня зону. Майя дошла до центра города. Все растения в Вавилоне-3 были запрещены, кроме сельскохозяйственных теплиц, но к ним имели доступ только работники высшего уровня, и она даже не представляла, как могли выглядеть теплицы. На главной площади росло единственное дерево, которое оставили, видимо, как памятник. Оно было жалким. При взгляде на него казалось, что за оградительным забором не может быть ничего здорового.

Но Майя обожала это дерево. Единственное в городе, оно менялось из сезона в сезон, отчего казалось таинственным и прекрасным. Она настороженно огляделась, нет ли кого поблизости, и сиганула к дереву. В голову пришла идея – постучать по стволу трижды, «чтоб не сглазить». Что именно этот ритуал означал, Майя не знала, но о нём рассказывала баба Раиса, а уж ей можно было верить. Ствол был шероховатый, кора растрескавшаяся, словно в морщинах. На аккуратно подстриженной кроне набухали острые почки, из которых вот-вот должны были вырваться первые резные листочки. «Скорее бы вы освободились», – прошептала Майя.

Чем внимательнее она всматривалась, тем более прекрасным ей казалось дерево. Его запах – свежий, родной, вкусный – кружил голову. Внезапно Майя почувствовала, что за ней наблюдают. Она резко оглянулась, но незнакомый голос окликнул её с другой стороны. По

спине пробежали мурашки. К ней стремительно приближался мужчина в чёрной форме. «Иди-отство», – тихо выругалась Майя.

– Что делаете? – полицейский подошёл вплотную, и Майя боялась поднять на него глаза. – Я спрашиваю, что...

– Мне показалось, насекомое, – она судорожно соображала, как бы поубедительнее соврать. – Я подбежала посмотреть, так как решила, что увидела насекомое.

Мужчина хмыкнул и достал из кармана планшет. «Дурной знак», – мелькнуло в голове у Майи.

– Имя и адрес.

Она робко назвала адрес отца и своё имя, разглядывая ботинки.

– Запишем показания, – по-деловому произнёс он, словно Майя совершила нечто ужасное. – Опишите насекомое.

В её голове мигом родился целый вихрь идей, каких можно напридумывать насекомых. Но, конечно, нужно было помалкивать.

– Прошу прощения, я ошиблась. Это был просто луч света, мне только померещилось.

Наверное, целую минуту незнакомец сверлил Майю взглядом, а потом сказал:

– Я запишу это. Но камера, вероятно, зафиксировала ваше нестандартное поведение, так что ожидайте возможный штраф или повестку для разбирательства.

После его слов «можете идти» Майя поспешила прочь, ругая себя за безрассудство. Но, отойдя на приличное расстояние от площади, всё же решила, что долгое прикосновение к живому дереву уж точно стоило какого-то там выговора и даже возможного штрафа. Остаток пути она думала про насекомых, деревья и бабу Раису. Фактически та не была ей бабушкой – только соседкой, но роднее человека у Майи не было. Баба Раиса долгое время работала в единственной в городе пекарне, но в силу возраста уже несколько лет как сидела дома.

Майя не знала, чем именно занималась баба Раиса целыми днями, но та всегда была энергичной, радостной и, казалось, превосходно проводила время. С ней можно было без опасений говорить о чём угодно, кроме той ерунды, что преподавали в школе. Стоило Майе лишь заикнуться про опасность насекомых, историю оградительного забора или пользу «грёз», как баба Раиса фыркала и ругалась.

Майя и сама не любила эти темы – что ей было до того, что раньше люди гибли от вирусов и страдали от дурманящих препаратов. Раиса тоже не знала, как было до забора. Её семья переехала сюда по направлению врача: отец страдал сильной формой аллергии на цветение деревьев, поэтому отсутствие растительности и фильтрованный воздух стали для него спасением. Он был грамотным специалистом по виртуальной реальности, поэтому их с женой и новорожденной дочерью приняли с радостью, хоть город на тот момент уже был закрыт. Об ином мире родители рассказать много не успели – они умерли, когда Раисе исполнилось пять лет. То немного, что запомнила – она пересказала Майе.

Увы, подтверждения удивительным вещам, о которых она говорила, не было. Приходилось принимать на веру и то, что раньше носили цветную одежду разных фасонов – кто какую пожелает, и что животных держали прямо в доме, и что, помимо учебников, были книги просто для развлечения. Но некоторые доказательства другого мира у Раисы всё же имелись. Если бы градоначальники об этом узнали – пришли бы с арестом.

Например, запись из дневника мамы, которую она тщательно прятала. Сам факт, что раньше можно было иметь бумагу и записывать на ней свои мысли, казался невероятным. Майя знала наизусть каждое слово, наскоро нацарапанное мелким подчерком на ветхой жёлтой странице, но вспомнила об этой записи и подумала, что обязательно попросит бабу Раису дать снова перечитать эту страницу.

Ещё в строгом секрете у неё хранились три картинки. Первая – чёрно-белая фотография. Майя угадывала очертания деревьев, кустов, травы и открытого костра, но вот маленький тре-

угольный домик был непонятным. Баба Раиса не знала, для чего именно он нужен, но запомнила, как мама называла его «палатка». Остаться одному в лесу, защищённому только ненадёжной «палаткой», казалось диким, и картина вызывала у Майи смешанные чувства: ужас от опасности и недоумение от того, что фотография, казалось, источает умиротворение.

Вторая картинка была рисунком, откопированным на картоне. На ней красовался весёлый дед в красном колпаке. Баба Раиса не помнила, как его звали, но рассказывала, что он приносил подарки раз в год всем людям просто так. Поскольку Майе никаких подарков не приходило, она решила, что либо это было давно, либо дед просто не знал про их закрытый город.

Третья картинка Майе не нравилась, было даже жаль, что сохранилась именно эта. Страдающий, почти голый мужчина. На голове странные ветки, на бедрах повязано полотенце. Прямо за ноги и руки его прибили гвоздями к столбу. Баба Раиса рассказывала, что это не простой человек и что к нему раньше обращались за советами и подарками. Но Майя не понимала, как можно ждать даров от такой несчастной персоны.

Для себя она решила, что если уж ждать приятного, так от деда в красном колпаке – он хотя бы выглядел радостно. Майя была уверена: чем человек счастливее, тем больше может дать, поэтому мысленно просила: «Милый дед в колпаке, подари мне что угодно, я всему обрадуюсь, – и частенько прибавляла: – Пусть перестанет мучиться тот мужчина с ветками на голове. Надеюсь, он хотя бы умер».

2

Майя даже не обратила внимания, как ноги сами привели её к дому. Она посмотрела на часы: 18:00. Это означало, что до «отбоя» оставалось три часа. Большую часть своего выходного дня Майя провела на улице – монеты на проезд она никогда не тратила, а погода стояла такая тёплая, что гулять – одно удовольствие. Конечно, переночевать в рабочем общежитии было бы разумнее. Но день оказался таким насыщенным, что пока голова была занята мыслями, ноги действовали сами. «Наверное, – подумала Майя, – они получают указания прямую от сердца». И заулыбалась, представляя, что скоро повидается с братом Сашкой, бабой Раисой и отцом и, конечно, с Тарасом, но о нём она старалась не думать – вдруг и в этот раз не увидятся, а она уже настроится на желанную встречу. Но сердце от волнения участило ритм, а на ум само по себе пришло радостное воспоминание об их знакомстве.

Ей было одиннадцать, а Тарас только поступил на службу и в тот день впервые самостоятельно совершал осмотр помещений. Он зашёл в комнату, как и положено, без предупреждения. Они с бабой Раисой как раз вынули из печи противень с печеньем и осматривали результат. Майя обычно подолгу лепила из теста фигурки, прежде чем закатать их в шарики, а в тот раз они оставили одну, самую удачную – в форме птички.

– Здравствуйте! – смущаясь, сказал Тарас, входя в кухню. Сердце Майи ушло в пятки. Печь печенье – непривычное занятие. Никто из её знакомых никогда не готовил, а тут ещё и фигурка в форме птицы. Можно было попасть под штрафы вроде «проявление излишеств», «смущающие действия», «подрыв монополии продавцов грёз».

– Вы на задании или в гости зашли? – баба Раиса как ни в чём не бывало улыбнулась.

– На задании, разумеется, – Тарас внимательно осматривал комнату, взгляд его упал на птичку, а рука инстинктивно потянулась к планшету на поясе. Майя, казалось, забыла, как дышать. С ужасом она смотрела то на фигурное печенье, то на незнакомца в чёрной форме.

– Не положено же! – Тарас, казалось, был растерян и озадачен. Он явно ещё не сталкивался с подобным нарушением порядка и не знал, стоит ли это штрафа.

Майя на какое-то мгновение даже зажмурилась, словно вот-вот должен был произойти взрыв. Но баба Раиса невозмутимо улыбалась:

– Так ты съешь, да и всё. Нет печенья – нет проблем.

Тарас уставился на неё, словно получил оскорбление. Майя наблюдала, как он машинально сжал кулаки. Его напряжённое лицо отражало смятение. Тарас медленно оглядел комнату, словно в поисках кого-то, и Майе казалось, что она слышала, как роятся в его голове мысли, ведь теперь произошедшее тянуло и на арест – баба Раиса предложила скрыть инцидент, что куда хуже треклятого печенья.

Напряжение росло. Воздух в комнате, казалось, должен был затрещать, как электричество. Майя, не мигая, следила за незнакомцем. В какой-то момент по лицу она поняла, что он принял решение. Тарас подошёл и ухмыльнулся, наблюдая, как дрожит в её руках противень. Он взял печенье и с любопытством повертел птичку в руке, внимательно рассматривая, словно это сокровище. Все силы Майи уходили на то, чтобы не застонать от страха. Тарас внезапно улыбнулся, подмигнул и разом засунул печенье в рот.

– Вкусное, – жуя, заметил он. Майя выдохнула от облегчения и просияла счастливой улыбкой.

– Вот и отлично! – Баба Раиса выглядела очень довольной. – Приходи к нам ещё.

Щёки Майи покраснелись от приятных воспоминаний, и в квартиру она залетела со счастливой улыбкой. Отец если и слышал, что она вошла – виду не подал. Сашка вздрогнул и быстро обернулся на звук. Лицо его было отрешённым и пустым. Улыбка Майи быстро исчезла.

– Привет! Я очень рада вас видеть! – осторожно сказала она.

Брат вяло кивнул в ответ, а отец медленно, словно нехотя, оторвался от пустой стены, на которую внимательно смотрел, и тихо произнёс:

– Я думал, осмотр помещений.

Майя видела, что его пустые глаза смотрят мимо неё. Он сделал попытку сфокусировать взгляд, но спустя мгновение вновь повернул голову и уставился в стену. Этому было только одно объяснение – он покупал сегодня «Путешествие в грёзы». Майя хотела разозлиться, раскричаться, подойти и встряхнуть его, но не смогла. Она слишком хорошо понимала его чувства, ведь тоже тосковала по маме и порой даже завидовала, что отец может общаться с ней в «грёзах». Чтобы отделаться от этих неприятных мыслей, Майя подошла к брату и присела на край стола, за которым тот читал учебник.

– Ты сегодня тут переночуешь или в интернат пойдёшь? – спросила она, стараясь заглянуть в лицо Саше.

– В интернат. У нас дома никто не остаётся, – он склонился ещё ниже над книгой, словно хотел спрятаться.

– Жаль.

Майе казалось, что в груди начало ворошиться нечто противное и склизкое – это чувство она хорошо знала, но люто ненавидела. Они молчали несколько долгих минут, а затем она с горечью заметила:

– Уже скоро отбой, тебе, видимо, пора...

– Дочитаю страницу и пойду. Ты меня отвлекаешь.

Майя старалась не расплакаться. Она смотрела на брата: долговязый, тощий, светлые волосы коротко острижены, серая рубашка висит на острых плечах. Перед ним на столе лежал хорошо знакомый ей учебник «История оградительного забора» – три года подряд и Майя заучивала отрывки из него, чтобы рассказывать наизусть перед классом и отвечать на тестовые вопросы. К горлу подкатывала тошнота. Ей хотелось выхватить книгу и отшвырнуть прочь, закричать, расплакаться.

Она оглядела комнату. Отметила грязное бельё и немывую посуду. Отец так и смотрел в пустую стену. Майя усмехнулась от неприятной мысли – только находясь здесь, рядом со своими родными людьми, она ощутила мощнейшее одиночество. В то мгновение она ненавидела и слёзы, что подступили к глазам, и дом, и отца, и брата, и весь мир. Из квартиры Майя

вышла с чувством, что не сможет находиться в ней больше ни минуты. С сожалением поняла, что возвращаться в рабочее общежитие уже поздно, и решила отправиться к бабе Раисе, хоть время для визитов было уже позднее.

В крепких объятиях дорогого человека Майя наконец-то расслабилась впервые за долгое время. Баба Раиса, как обычно, первым делом усадила её за широкий кухонный стол и налила большой стакан горячего ароматного чая. Заварка была редкостью – стоила дорого, и редко кто из горожан позволял себе такую роскошь, и баба Раиса, возможно, единственная из всего города предпочитала тратить монеты на чай, а не на «грёзы».

– Как прошла неделя? – спросила Майя.

– Да как прошла, так и прошла. Как обычно прошла, – женщина была не в духе. Они не виделись всего неделю, но выглядела она старше: на лбу глубже залегли морщины, под глазами появились тени, губы были бледные, а седые волосы растрепались. Казалось, баба Раиса даже стала меньше ростом. – Сашку видела вашего, – после паузы грустно добавила она. – Совсем стал пустой. А у тебя что нового?

– Сегодня меня поймали у дерева.

– Ох, Майка, Майка... аккуратнее же надо! – всплеснула руками баба Раиса. – А что делала?

– Трогала, – Майя улыбнулась. – Ну, и стучала, чтобы не сглазить, – обе улыбнулись.

– Какая глупость! Это же я так просто рассказала. Сроду не работает это идиотское суеверие. Бабка моя так говорила – вот я и запомнила, а ты, глупая, повторяешь.

– Дерево такое приятное на ощупь. Шершавое, твёрдое, но словно живое внутри, – не обращая внимания на ворчание, продолжала Майя.

– Живое – это точно, – задумчиво повторила баба Раиса. – Давай я тебе ещё кое-что покажу. Приберегала на особый случай, но чего уж там.

Майя сидела, боясь пошевелиться, словно могла спугнуть момент. Баба Раиса взяла с полки книгу и протянула Майе. Та моментально скривилась, увидев «Историю оградительного забора».

– Да знаю я его!

– Открой.

Майя нехотя начала листать, и книга распахнулась сама – между страниц была маленькая смятая картинка ярко-жёлтого цвета, вся в пятнах. На ней безмятежно улыбалась нарисованная девочка в красивой шапочке красного цвета и яркой одежде. В одной руке она держала какую-то ёмкость, в другой – цветы. Надписи были стёрты. Можно было разобрать только «Красная Ша...» и «кон..т...».

– У-у-ух ты-ы-ы! – Майя жадно вглядывалась в орнамент из листьев и мельчайшие детали картинки. – Кто это?

Баба Раиса неторопливо глотнула чай и рассказала, что картинка служила раньше оберткой для сладости. Сама она, конечно, её не пробовала, картинка досталась от бабушки.

– Это просто упаковка? МУСОР? – возмущению Майи не было предела.

– Да.

– Не могу поверить! У нас, кроме учебников, ничего, а они в такую красоту еду заворачивали. Поэтому, наверное, и кончилась в мире бумага!

– Да ничего не кончилась! – баба Раиса мгновенно вспыхнула. – Видела же, грёзоторговцы столько листовок печатают, что хоть помои в них заворачивай. Не бумага у нас закончилась, а мозги!

Майя ощутила, как по спине пробежал холодок. «Если кто услышит – жди беды», – пронеслось в голове. Баба Раиса это поняла и поспешила сменить тему.

– Нарисована тут девочка, которую зовут Красная Шапочка. На самом деле её не было. Просто придумали, что она была, понимаешь?

– Ага. А зачем?

– Да для забавы. А жила эта девочка у леса...

– Как мы прямо! – ввернула Майя и тут же закусила губу под строгим взглядом собеседницы.

– А бабушка её жила в лесу. Как-то раз мама попросила Красную Шапочку отнести ей еды, и она пошла...

– Прямо в лес, что ли, пошла?! Одна пошла? Там же насекомые! Как мама могла...

Баба Раиса открыла было рот, но тут обе услышали звук приближающихся шагов. Майя поспешно захлопнула учебник. «Только бы Тарас, – думала она. – Волшебный дед в красном колпаке, пусть это будет Тарас!» Из тёмного коридора показалась высокая фигура в чёрном. Спустя мгновение Майя поняла, что её желание исполнилось. Видно было, что и парень выдохнул с облегчением: лицо его озарила улыбка, глаза сияли – без сомнений, Тарас тоже соскучился и рассчитывал, что хотя бы на этой неделе повидается с Майей.

Он утвердительно кивнул головой на её немой вопрос, и Майя поняла, что съёмка не велась, прослушки не было. Тут же она подлетела к нему, приподнялась на цыпочках и крепко обняла. Тарас с жаром ответил на объятия и украдкой поцеловал в макушку. Майя ощутила, что мир вокруг замер. Она с ним. В безопасности. Счастлива.

– А время? – тихо спросила Майя, не отрывая голову от его груди.

– Пара минут точно есть, – прошептал в ответ Тарас.

Они уселись за стол, баба Раиса налила всем свежий чай и даже поставила сахар. Но на такую роскошь никто не обратил внимания – слаще всего была долгожданная встреча.

– Как ты? – торопливо спросил Тарас.

– Да ничего нового – работа и работа всё время. А ты? – Майя не сводила глаз с его лица, словно было жизненно необходимо запомнить каждую деталь.

– Мне снова подарили «грёзу». Я же ещё ни разу не был – вот на службе и беспокоятся. Даже вызывали к начальству. Всё спрашивали, почему отказываюсь. Намекнули, что ДОЛЖЕН пойти. А на следующий день подарили при всех абонемент на «грёзы», вроде как за исправную службу, – Майя ахнула, а баба Раиса насторожилась.

– Выбрал уже, на какую пойдёшь? – спросила она.

– Нет ещё. Но в участке на меня косо смотрят – никому ещё не дарили СТОЛЬКО просто так, вот они все и завидуют.

– Не отвертеться, – Майя внезапно расстроилась – её охватили дурные предчувствия.

– И я так подумал. Уже ходил к грёзоторговцам, буклет за неделю наизусть выучил. Даже знать не хочу, что ещё они могут предпринять, придётся просто уже сходить и всё. Дался вот им я. Подумаешь, 30 лет и ещё «грёзы» не покупал. Будто проблем других нет. Вон, Арсений воняет, как куча помоев – лучше б они этим озадачились. – Майя звонко рассмеялась.

– А я хочу «фантазию»! Тебе на «фантазию» можно?

– Нет, только на «грёзы». Тебе, кстати, скоро 17 – значит, тоже будет подарок от города.

– Да, но меня интересует только «фантазия», а их не дарят. Так что...

– Ничего! – Тарас выудил из нагрудного кармана чёрной форменной рубахи аккуратно перевязанную стопку монет. – Держи подарок! А то вдруг больше до дня рождения не увидимся. – Он одной рукой взял ладонь Майи, другой вложил туда стопку монет. Какое-то время они сидели так, не отрываясь глядя друг другу в глаза. По щекам Майи сами собой покатались маленькие слезинки. – Пусть у тебя будет счастливая жизнь! – нежно произнёс Тарас.

Баба Раиса поставила стакан. Нарочно громко, чтобы обозначить своё присутствие. Они быстро отёрнули руки. Майя сунула монеты в карман передника, а Тарас встал, наскоро обошёл комнату, заглянул в спальню и ванную с туалетом, как того требовал протокол осмотра помещений, и вышел. Проходя мимо Майи, он незаметно тронул её руку.

– Спасибо за чай, – донёсся из коридора негромкий голос Тараса.

Майя замерла в надежде расслышать и удаляющиеся шаги, но было тихо. С его уходом стало мрачно и прохладно. Мелькнула непрошенная мысль: «Интересно, сколько ему предстоит сегодня осмотров помещений? Дружит ли он ещё с кем-нибудь?» Ей хотелось думать, что нет. Но и мысль, что Тарас вёл себя с другими вавилонцами жестоко, был страшным, как другие полицейские, вызывала у неё неприятные ощущения. Воображение вмиг нарисовало, как он врывается к другим горожанам. Как обшаривает каждый угол или даже наказывает правонарушителей. Стало не по себе. Майя представила сотни таких же коридоров, как у них, входы без дверей, одинаковые комнаты с серыми стенами...

– Пора тебе домой, – без обиняков заметила баба Раиса, прервав её невесёлые размышления, – уже совсем темень. Зашёл бы не Тарас – оштрафовал бы обеих.

– А я хотела отрывок из дневника прочитать...

– Вот приходи в следующий раз пораньше и почтёшь. С собой не дам. Найдут – всем достанется.

Баба Раиса боялась не за себя, и в этой заботе было столько тепла, что Майя не удержалась и поцеловала её в морщинистую щёку. Вдохнув напоследок запах комнаты – уютный и родной, она поспешила домой, прокручивая в голове оправдание на случай, если кого-нибудь встретит.

В тот вечер удача была на её стороне и никто из вавилонцев не повстречался. Майя долетела до своего дома и бегом поднялась на четвёртый этаж. Общий коридор окутал её мраком. Стояла тишина – в выходной большинство горожан ходили на «грёзы», а после этого, как правило, старались молчать, чтобы удержать в памяти приятные впечатления. Чтобы не потревожить эту вязкую тишину, Майя сняла тяжёлые ботинки, боясь, что звук шагов включит датчики движения, от которых сработало бы освещение. Практически на ощупь она отсчитала четыре входа слева и вошла в пятый.

Квартира казалась пустой. Отец, вероятно, спал на кухне, на кушетке, а Сашка наверняка уже был в интернате. Слабый свет из окна падал на диван, где аккуратно лежали подушка и коричневое покрывало. По сердцу разлилось тепло – то, что отец подумал о ней и подготовил спальное место, несмотря на своё душевное состояние, растрогало Майю. На глаза навернулись слёзы благодарности. «Какой чудесный день», – подумала она.

Майя сняла передник и вынула из кармана свёрнутый листок, что тайком подсунул ей Семёныч. Чтобы прочесть, пришлось подойти к окну, освещённому тусклым светом фонаря. Первое, что бросилось в глаза, когда она развернула листовку – серый прямоугольник. Поругав себя за разочарование, Майя принялась перечитывать уже знакомый текст о пользе «Путешествий в грёзы» и безопасности системы виртуальной реальности. Тем «путешествий» было всего шесть, но и этот список радовал. Каждая – словно лакомство, которое Майя смаковала, воображая, что может ожидать в этой «грёзе».

Романтика

Водопад

Море

Космос

Царский пир

Замок

Отдельно, крупным шрифтом была вынесена «Улучшенная реальность». Она, по мнению Майи, была глупым предложением, но именно эту «грёзу» покупали чаще всего и даже оформляли семейные посещения. Смысла никакого – тот же быт, просто всё шикарнее: сам красивее, одет наряднее, еда вкуснее, декорации роскошнее. Самый дешёвый и бесполезный вариант.

Ниже, мелким шрифтом, было приписано «Фантазия» – совершенно другое дело. Она стоила существенно дороже всего, и никто на памяти Майи ни разу её не покупал. Это единственное «путешествие», которое не шло по запланированному разработчиками сценарию. В случае нештатных ситуаций внутри «фантазии» никто не мог помочь. О чём это и что во время неё происходит – информации не было. Как Майя поняла, в «фантазии» человек полностью погружался в содержимое своей головы и оставался один на один с собой и своим внутренним миром. Платить за это огромные деньги у вавилонцев желания не возникало, и это предложение шло мелкой припиской, на которую никто и не смотрел. Именно на неё Майя год за годом исправно откладывала монеты. «Фантазия» влекла её больше всего.

Перечитав на несколько раз перечень «грёз», она тщательно свернула листовку и убрала в карман передника. Конечно, было немного жаль, что Семёныч не дал ей ту рекламу, что предназначалась для жителей уровнем выше, но и получить в своё владение эту, не положенную ещё по возрасту – удача. Что с того, что она уже изловчилась несколько раз прочесть её раньше. Зато теперь у неё есть собственная.

Майя стянула через голову серое рабочее платье – балахон и осталась в бежевой нижней рубашке. Воздух был прохладный, и она с удовольствием забралась под коричневое покрывало. «Как здорово засыпать счастливой. Любовь греет куда лучше одеял», – подумала Майя и провалилась в сон с улыбкой на лице.

3

Будильник пропищал в пять утра. Наскоро она умылась и оделась, но пришлось потратить много времени на поиск тёплой одежды в старом шкафу – за окном явно было холодно, а мёрзнуть Майя не любила. Отыскав толстую вязаную кофту, что носила мама, она со всех ног побежала в рабочее общежитие. По дороге встретились только трое – все примерно её возраста и тоже спешили со всех ног – видимо, как и она, навещали родных в выходной. Большинство горожан предпочитали находиться ближе к рабочему месту или пользовались услугами транспорта.

Утро было свежим. Майя любовалась нежно-розовым небом, которое окрашивало привычные здания в фантастические цвета. Пахло сыростью. Всю ночь шёл дождь, и на мокром асфальте красиво отражались облака. Как замороженная она смотрела под ноги, воображая, что идёт по небу, и это так увлекло её, что к концу пути кружилась голова.

В общежитии Майя с облегчением стянула мамину кофту, которая кололась даже сквозь грубое сукно платья, отыскала новый рабочий передник с большими карманами, переложив в него пару монет и часы. Затем тщательно спрятала подарок Тараса и листовку – засунула в носки и положила в самый дальний угол бельёвого ящика.

На рабочем месте она была, как всегда, вовремя. Выполняя привычные обязанности, Майя улыбалась. В голове сами собой возникали слова, которые: «Небо этим утром поменялось с землёй местами, и мне посчастливилось гулять по розовым облакам. Если мир представил такую возможность, значит, он всех любит. А особенно меня».

Уже больше года Майя работала на фабрике тканей в цеху окрашивания. Это было начальным звеном, и в бригаде трудились её ровесники. Она следила за чанами с красителями. В положенное время брала пробы и относила их на проверку – правильная ли сохраняется пропорция пигментов. Также в её обязанности входило следить, чтобы ткань окунулась целиком и покраска шла равномерно. Работа не из весёлых, но её мама была учителем, и рассказывать неинтересное одно и то же годами казалось Майе куда отвратительнее, поэтому свою работу с красками она считала даже удачей.

Сегодня им заказали партию жёлтой ткани на форму медицинским работникам. День был пасмурный, и Майя радовалась полотну своего любимого цвета, которое растянулось солнеч-

ными дорожками на весь цех. Она воображала, что это её личное солнце, и так беззастенчиво улыбалась, что к обеду стала ощущать на себе косые взгляды коллег.

«Глупую девочку шестнадцати лет радовала её работа. Жаль, никто не заметил солнца в полотнах ткани – оно было изумительным», – родилось предложение в голове Майи, и она немедленно покраснела – было стыдно говорить о себе со стороны. Игра ей понравилась. «Девушка не была красавицей, но нужно отметить, тело её было крепким и сильным, губы и брови изящными, а волосы она сохранила в тайне длинными, хоть это было непросто». Майя порадовалась, что мысли читать нельзя, и решила, что такое хвастовство мама бы точно не одобрила.

Звонок на перерыв желудок встретил громким урчанием – за весь прошлый день она ничего не ела и теперь почувствовала зверский голод. Обед состоял из привычного, совершенно неаппетитного набора, но Майя набросилась на еду, как дикая. Спустя пару минут она поняла, что лучше притормозить, и огляделась по сторонам. Многие ели питательную массу с помощью трубки, не открывая контейнер, но Майя любила рассматривать обед.

Буро-красную жижу – протёртый суп – она съела первой. Теперь своей очереди дожидалась бледная овсянка. Майя задумчиво водила ложкой с остатками бурого супа по каше, вспоминая розовые утренние облака и воображая, будто их можно нарисовать. Несколько секунд она вглядывалась в еду, словно в картину, а потом, услышав приближающиеся шаги, быстро всё перемешала. За столик подседа Тая – соседка по комнате.

– Как выходной? – вместо приветствия спросила Майя.

– Да никак. Сидела в комнате и немного прогулялась по территории. А ты где была?

– Домой ходила, к папе и Сашке. А, ещё в «Центре путешествий в грёзы».

– Ух ты! – Тая даже поперхнулась супом. – А что делала? Ты же не...

– Нет конечно, просто решила рядом пройти, посмотреть.

– А-а-а-а... – разочарованно протянула она. – Скорее бы 17! – и шёпотом добавила: – Я уже выбрала, куда пойду, жаль, полгода ждать. А ты везучая, уже совсем скоро...

– Что выбрала?

– «Романтику», – Тая произнесла это так тихо, что Майя скорее не услышала, а распознала по губам. – Мне Маринка по секрету рассказала, что сходила на неё сразу, как ей стукнуло 17, и уже год только её и покупает.

– Какая Маринка?

– Да с ткацкого цеха. Та, которой недавно значок вручали.

– А-а-а-а, – протянула Майя, – да, знаю такую.

Она едва не фыркнула, вспомнив потерянную отрешённую девицу с вечными глазами навывкате. Ну конечно, что бы ещё она выбрала, кроме идиотской «романтики» – одной из самых дешёвых и популярных «грёз».

– А как думаешь, – едва различимым шёпотом спросила Тая, – романтика бывает на самом деле?

– Бывает, конечно, – Майя поняла, что сказала это слишком громко. Тая испугалась и уставилась в тарелку. Обед продолжили молча.

Про себя Майя подсмеивалась над соседкой, у которой на уме, похоже, ничего кроме брачного союза не было. Сама Майя, конечно, предпочла бы увидеть море, замок, космос, а ещё лучше другие города, да и что угодно, кроме идиотской «романтики», тем более что она возможна в жизни.

Впервые это слово Майя услышала от мамы, когда та рассказывала про встречу с отцом – им повезло влюбиться в друг друга. Как правило, в брачный союз вступали по назначению или рекомендациям, а у родителей была романтика, чем Майя очень гордилась. Мама рассказывала милые истории, например, как отец подстраивал встречи с ней или украдкой брал за руку на общих собраниях – они оба работали в образовательном учреждении. Родители всегда

светились радостью, когда вспоминали это, и Майя любила и истории, и маму с папой, особенно такими счастливыми.

В какой именно момент всё испортилось, она не знала. Мама рассказывала, как тяжело они решались на ребёнка. Это действительно сложный шаг для жителей Вавилона-3. Сперва будущим родителям предстоял ряд врачебных осмотров и анализов. Затем, после искусственного оплодотворения, женщину ждало строгое наблюдение докторов, диета и список утомительных ежедневных медицинских процедур. Сам же процесс деторождения – сложная операция. Мама рассказывала и про наркоз и аллергическую реакцию на него, и про то, как лежала в реанимации и думала, что умрет. Майя не представляла, как родители отважилась на второго ребёнка, зная, что маму вновь ожидают такие ужасы.

В школе рассказывали, что когда-то люди жили рядом с животными и перенимали их повадки – оплодотворяли женщин просто так, без медицинских обследований и подготовки. Это приводило к неизлечимым болезням и распространению эпидемий по всему миру. В подтверждение классу показывали отвратительные картинки, после которых все понимали: худшее, что можно придумать – заниматься сексом.

Вавилонцы с детства знали, что куда лучше заработать монеты и испытать любые чувства в выбранной «грёзе» – без рисков, разочарований или боли. В старших классах рассказали, что лучше всего покупать «грёзу» вдвоем с супругом. Тогда в безопасности, без нежелательных последствий и медицинских вмешательств можно было наслаждаться, чем захочется. Это казалось разумным и привлекало большинство одноклассников. Но не Майю.

Она помнила светящиеся глаза родителей в далеком детстве, когда у них ещё не было возможности покупать «грёзы», и неприятные перемены, когда монеты на «путешествия» стали появляться. Её родители всегда посещали «грёзы» вдвоём, но отдалились друг от друга несмотря на это. Майя наблюдала, как настоящее для них медленно меркло по сравнению с выдуманной кем-то виртуальной реальностью.

Мама этого не выдержала. Наслаждение, во много раз усиленное в «грёзах», в реальности стало угасать. Видимо, было сложно осознавать, насколько настоящее проигрывает виртуальной реальности. Майя не винила маму за решение покончить с этим. Из жизни она ушла буднично, нелепо: отвела уроки, в обед поднялась на крышу образовательного учреждения и спрыгнула. Раз – и всё. Раз – и кончено.

Дни тянулись, словно нескончаемые полотна ткани, по большей части серого цвета. Майя часами наблюдала, как причудливо извивались дорожки свежескрашенной ткани, и воображала, что вокруг – не их цех, а настоящие газоны, живые высокие деревья, и она, словно девочка в красной шапке, с беззаботной улыбкой шагает навстречу новому.

Как ни надоедал ей стрёкот станков, как ни уставала Майя за день, а в рабочем общении было не лучше. Никто из знакомых никогда ничего и не видел, кроме учебных материалов. Истории от родителей тоже мало кто слышал, ведь большинство ровесников Майи выросло в интернатах – чтобы не мешать рабочему процессу. Жизнь молодых вавилонцев в ожидании совершеннолетия вертелась вокруг размышлений о монетах и «Путешествиях в грёзы».

В пятницу Майя провела после рабочей смены около часа, просто рассматривая облака, стоя на улице. Заходящее солнце красиво окрашивало небеса и бетонные дома Вавилона-3, и Майя в восторге смотрела во все глаза, боясь пропустить детали. Как ей хотелось поделиться этими переживаниями. Она воображала, что можно было бы остановить мгновение: сфотографировать, зарисовать, описать красивыми словами, чтобы все-все восхитились. Но знала, что никто её не поймёт. Наверное, даже Тарас. За всё время, что она простояла как вкопанная, ни один прохожий даже не подумал посмотреть на небо – все смотрели лишь себе под ноги, а когда вдобавок стали косо поглядывать и на неё, Майе пришлось уйти в общежитие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.